

*Всякая потеря есть приобретение.
Всякое приобретение есть потеря.
Любой конец — это начало чего-то нового.*

Буддийская пословица

ЧАСТЬ 1

Глава 1

*Июль 2018, настоящее время
Исламорада, штат Флорида*

Говорят, что вся наша жизнь — это сплошная череда выборов. Перед нами простираются тропинки — иногда мы сами принимаем осознанное решение, а иногда вмешивается судьба и делает выбор за нас.

Знай я, что в эти утренние часы в моей жизни все перевернется с ног на голову, я, возможно, пошла бы выгуливать Санни где-нибудь в другом месте. Мы могли бы срезать путь к рынку на Оверсиз-хайвей и уйти оттуда на десять минут раньше. Но тогда бы Санни не набегался вдоволь и не прихлопывал бы так весело золотистым хвостом комаров, которые запутались в его лоснящейся шерсти. А я бы пропустила великолепный рассвет, зарождавшийся в утреннем небе, пока дощатые домишки на Олд-хайвэй пробуждаются к жизни.

Но мы ничего этого не знали и потому не стали срезать путь.

Войдя в двери рынка одновременно с каким-то мальчиком и его отцом, мы застали язвительную Люсиль за ее обычными жалобами на жару во Флориде. Мальчик лет

девяти-десяти буквально впился в меня взглядом, и в зеркале его зеленых в крапинку глаз читался немой вопрос: «Можно погладить собаку?».

— Его зовут Санни, — сказала я, видя, как мальчик неловко застыл, из-за чего пес впал в смятение. — Сначала нужно дать ему понюхать руку.

Предсказать, к кому проявит свое расположение мой темпераментный пес, было решительно невозможно. Его логику еще никому не удавалось понять. Ему практически никогда не нравилось, когда хоть кто-нибудь приближался ко мне. Хоть собаки, хоть люди. Пес даже не особо любил Филиппа, а ведь именно он, Филипп, мне его подарил. Я потянула поводок, и Санни послушно сел, позволяя мальчику погладить свою густую шерсть. Глаз мальчишки теперь не было видно из-под бейсболки с логотипом «Ковбойз», и я могла разглядеть лишь прилипшие к шее вихры каштановых волос.

А я вышла лишь купить немного меда и ложку сахара для моего ежедневного стакана горячей воды с лимоном. Раньше бы я просто попросила мед и сахар у соседей, но все изменилось, когда в прошлом году ураган Ирма с яростным ревом обрушился на Исламорату и дом наших соседей сравняло с землей. Это было настоящее везение, что наш будущий дом уцелел.

Мужчина с мальчиком двинулись дальше по узким коридорам рынка, а я, удерживая Санни теперь поближе, мысленно благодарила его за то, что он не стал устраивать шумных «сцен». Я изучила весь ассортимент меда — органический, необработанный, мед из цветов авокадо, пастеризованный — и была впечатлена тем, что местному рынку есть чем сбить с толку кого угодно. И тут Санни потянул меня за собой. Я, не обращая на это внима-

Все не так закончилось

ния, одернула его обратно, но он сделал рывок посильнее и потащил меня к проходу.

— Санни!

Пес увлек меня за собой с такой силой, что баночка с медом в моей руке — медвежонок с животиком, наполненным медом, — полетела на землю. Санни рвался прямо к Люсиль, которая раздавала стаканчики с десертом на пробу. Мальчик, который минуту назад гладил Санни, там стоял, схватившись за горло.

— Ну же, Санни! — хотела я одернуть собаку, но все мое внимание уже было приковано к мальчику, который вцепился пальцами себе в горло и, казалось, задыхался. Его отца почему-то не было поблизости, и у меня болезненно сдавило в груди. А Санни, как одержимый, тащил меня дальше по проходу рынка.

Мальчик рухнул на пол, рядом с ним упал его рюкзак, и следующие шестьдесят секунд прошли для меня как в тумане. Я будто бы наблюдала за происходящим из окна поезда, едущего на полной скорости, так одна картинка сливалась с другой. Из-за угла появился отец мальчика, и зеленая пластиковая корзина из его рук полетела на землю. Ее содержимое рассыпалось в проходе — помидоры, огурцы, пакет молока.

Увидев болтающийся на запястье мальчика блестящий металлический медицинский браслет, я поняла, что дело плохо. Не иначе, тяжелая аллергия. Мужчина бросил взгляд в белый стаканчик и наклонился к сыну, который лежал, закатив глаза.

Покопавшись в сумке, он достал шприц «Эпипен».

Отец мальчика не сразу сумел сорвать колпачок, так дрожали его пальцы. Я присела рядом с ним, ожидая, когда мужчина проткнет шприцом кожу, но он внезапно за-

стыл. Мы словно погрузились в жуткие клокочущие звуки — именно так звучало слабое дыхание его сына.

Вокруг нас начали собираться покупатели, и мой инстинкт взял верх. Я выхватила «Эпипен» из рук мужчины, а он стал держать голову мальчика. Мы действовали в тандеме, плечом к плечу, как будто уже делали это раньше. Тощие ноги мальчика торчали из шорт, и я действовала на автомате. Я воткнула «Эпипен» в его бедро и, мне показалось, что я услышала звук прокалывающей кожу иглы.

В инструкции к лекарству говорилось, что препарат действует незамедлительно, но ожидание показалось мне целой вечностью. Мужчина словно окаменел, продолжая держать руку мальчика. Я прикоснулась к его плечу, чтобы приободрить его, но он не поднял головы до тех пор, пока мальчик наконец не пошевелился.

— Он снова с нами, — сказала я, чувствуя, как воспрянуло мое собственное сердце. Его ровный ритм напомнил мне о том, что мальчика нужно отвезти в больницу.

Мужчина притянул мальчика к себе и шептал в его волосы: «Джимми... Джимми...».

— Джимми нужно в больницу, — произнесла я. Хотя и могло показаться, будто его состояние стабилизировалось, я знала, как протекает анафилактический шок. У многих пациентов часто случается повторный приступ после того, как концентрация эпинефрина снижается, и тогда может понадобиться повторная инъекция.

— Не знаю, что на меня нашло, — сказал мужчина, поникнув головой. — Я впервые запаниковал.

Его взгляд был прикован к маленькому Джимми, а Люсиль тем времени уже кричала в старый раскладной телефон: «Пришлите кого-нибудь. Немедленно. У мальчика тяжелая аллергическая реакция».

Все не так закончилось

Я обратила внимание на табличку у стойки с пирожными брауни. «Веганские, без глютена». Видимо, у Джимми все же была аллергия на что-то в их составе. Я осмотрела наполовину съеденную сладость на полу и увидела в центре орех.

А отец продолжил говорить, с трудом произнося каждое слово:

— Мы... я... мне так давно не приходилось этим пользоваться.

Он снял бейсболку и взъерошил рукой волосы. Его подбородок покрывала темная щетина.

Джимми все еще корчился на земле. Покупатели стали разбредаться, осторожно переступая через его рюкзак. Глаза у мальчика были почти того же зеленого оттенка, что и у отца, хотя волосы казались светлее. На носу и щеках Джимми можно было разглядеть едва заметные веснушки.

Верный пес Санни, далеко не убегая, рассказывал вперед-назад. Я приказала ему сидеть, он пытался послушаться, но все равно то садился, то вставал от любопытства. Я гладила место укола на ноге мальчика, и это размеренное движение меня успокаивало. Я все еще держала пустой шприц, и мужчина протянул мне руку, чтобы забрать его.

Именно тогда я заметила, что на моем пальце нет кольца. Кольца, которое совсем недавно подарил мне Филипп.

Я бросилась искать кольцо на земле, и все внутри меня оледенело от страха. Мужчина наблюдал, тщетно пытаясь понять причину моего отчаяния. Должно быть, кольцо слетело с пальца во всей этой суматохе. Филипп предупреждал, чтобы я отнесла его на подгонку размера, но я была слишком занята тем, что постоянно любова-

лась им. Мужчина понял, что я ищу что-то важное, и стал искать вместе со мной, пока не наткнулся на что-то блестящее поблизости, под полкой с консервированной кукурузой.

Придерживая голову Джимми, он потянулся через проход и передал мне сверкающий бриллиант. Мужчина наблюдал, как я надеваю его обратно на палец, и тут воздух пронзили резкие звуки сирены. Нас обступили врачи скорой помощи, они осматривали и трогали терпеливо сидевшего Джимми, чем-то в него тыкали.

Санни следил за ослабевшим ребенком, как он часто наблюдал и за мной — положив лапу на плечо мальчика. Джимми медленно поглаживал его мягкие уши, улыбаясь то мне, то псу. У мальчика были безупречные белоснежные зубы.

Но ситуация и не думала заканчиваться. Принесли носилки, и на них положили Джимми. Его отец — к нему кто-то обратился по имени Бен — медленно встал.

Мы с Санни последовали за носилками на улицу, где палило ослепляющее утреннее солнце. Пока носилки с Джимми грузили в машину, медбрат, похожий на джжего Дензела Вашингтона, стал подгонять меня, чтобы я забиралась в машину.

— Мальчику нужно, чтобы рядом была мама, — произнес он.

— Но я не его мама.

Затем Джимми что-то сказал, и его сиплый голос загнушило ветром.

Медбрат — имя которого я, к сожалению, не знала — «перевел»:

— Он интересуется, не можете ли вы поехать с ним вместе с собакой...

Все не так закончилось

Я отступила, чтобы выдержать необходимую дистанцию:

— Я не могу... Я даже не знаю этих людей...

Несмотря на это, мне показалось, что будет неправильно сейчас уйти. А Санни был уже согласен — он сам потянул меня к открытому фургону, скребя землю так, что поднялось облако пыли.

— Обычно это запрещено правилами, но я сделаю исключение... для мальчика, — сказал медбрат.

— Я не могу, — ответила я, проклиная себя за то, что этим утром мне понадобился мед. И еще за то, что меня не будет дома, когда Филипп переступит через порог.

Отец мальчика, Бен, он изо всех сил сдерживал эмоции, и меня поразила его растерянная уязвимость. Не раздумывая, я позволила Санни потащить меня вперед, а сама тем временем отгоняла мысли о Филиппе, который с минуты на минуту должен был прибыть ночным рейсом из Лос-Анжелеса в Майами. Филиппе, который будет удивлен моему отсутствию, ведь он ждет нашего воссоединения и, конечно же, близости. Вместо этого я подумала о маленьком мальчике, невинном и яснолицем, как любой из моих бывших учеников, чьи нужды я всегда ставила превыше своих. Знакомое чувство кольнуло меня, и незаметно для себя я села в фургон.

Глава 2

*Май 2016, прошлое
Рейс 517 авиакомпании «United Airlines»
из Майами, Флорида, до Канзас-сити, Миссури*

Филипп любил рассказывать историю нашей первой встречи. Он называл ее причудливым сочетанием судьбы и обстоятельств, а я посмеивалась, потому что на самом деле познакомились мы в результате того, что в одном из крупнейших аэропортов страны произошла замена самолета. Говоря начистоту, мне не следовало тогда никуда лететь тем дождливым днем. А Присцилле, директору школы, в которой я преподавала, не следовало настаивать на том, чтобы я посетила семинар по профессиональному развитию чуть ли не накануне экзаменов, и не где-нибудь, а в городке Корал Гейблс. Но я никогда не умела отказывать Присцилле и отвергать ее абсурдные предложения, связанные с личностным ростом. Ведь это всегда означало дополнительную работу, но я, похоже, никогда ее не боялась.

Я была в Майами впервые, и на меня обрушилась вся «движуха» этого города вдобавок с его душным климатом.

Все не так закончилось

Возможно, у меня хорошо получалось оставаться жизнерадостной и не терять головы из-за влажности благодаря тем знаниям, которые давали нам на семинарах по инновационным способам подъема вдохновения у детей. Тем утром я летела обратно в Канзас-сити. Местные новости обещали дождь, но нас ожидало кое-что гораздо хуже. На крышу моего такси обрушились крупные куски града, а по улицам хлынули пугающие потоки воды. Когда я прибыла в аэропорт, электронные табло спешили сообщить о множественных задержках рейсов, и когда прибывающий самолет перенаправили в город Уэст-Палм-Бич, мы были вынуждены сесть в другой самолет.

Я заняла свое место по билету в тринадцатом ряду, хорошо осознавая все предрассудки, связанные с этой цифрой. Пассажиры сворачивали в проход, их шарканье сливалось с цокотом капель снаружи. Я пристегнула ремень на своем месте у окна, с осторожным оптимизмом надеясь, что никто не займет пустующее место между мной и пожилой женщиной, севшей у прохода.

Так и было... пока в узкий проход не ввалился Филипп.

Как ни банально может прозвучать такое описание нашей встречи, но Филипп не просто появился в моей жизни, он в нее ворвался. Иначе и не скажешь. Филипп был зол. Его точеные скулы пылали, губы были поджаты, а сверкающие голубые глаза выражали откровенное замешательство. Если бы он не огрызнулся на стюардессу, то я бы сказала, что он был красив, как известный персонаж из «Игры престолов», но его раздувающиеся ноздри в сочетании с раздражительным высокомерием на лице лишили его, как и меня, малейших проблесков доброты.

— Это билет первого класса, — орал он с сильным британским акцентом на хрупкую стюардессу, которая привела его к моему ряду. Женщина с уложенными каштановыми волосами с сединой на корнях попыталась объяснить, что они не в силах повлиять на замену самолета, и так сложилось, что новый самолет оказался меньше.

— Ваш ряд был переведен в эконом. Мне очень жаль, но мы ничего не можем поделать.

Но странный пассажир так размахивал своим билетом первого класса, будто тот был в силах растянуть самолет и наколдовать еще один ряд, где можно было усесться. Я перебирала в голове всевозможные синонимы к словосочетанию «самодовольный придурок» и прочие оскорбительные слова для описания мужчины, которого собирались посадить рядом со мной.

— Какое безобразие! Мои ноги тут едва уместаются.

— Сэр, — продолжала женщина, — Мы приносим извинения за доставленные неудобства. Обещаю вам, что, когда мы приземлимся в Канзас-сити, наш представитель по работе с клиентами компенсирует вам разницу в цене. А сейчас попрошу вас занять место и пристегнуться.

— Компенсирует?! — завопил мужчина, — Да я могу купить этот крошечный самолет со всеми его потрохами.

Пассажиры, наблюдавшие сцену со сменой места, неодобрительно морщились, но стоявшая рядом с ним стюардесса в голубом джемпере сохраняла невозмутимость.

Мужчина неохотно протиснулся по узкому ряду и занял место слева от меня. Пожилая женщина, мимо которой он пробрался на свое кресло, любезно предложила ему поменяться местами.

Все не так закончилось

— Может быть, здесь для вас будет больше места, — сказала она, улыбаясь.

Мужчина улыбнулся ей в ответ:

— Вы будете так любезны ради меня?

Моей единственной мыслью было: «Да, отличная идея. Не заставляйте меня сидеть рядом с этим типом».

Когда мужчина открыл рот, чтобы ответить, я уже была готова услышать просьбу поменяться местами, но ему удалось удивить меня и женщину с места 13D своим ответом:

— Я ни за что не допущу, чтобы прелестная дама пересаживалась ради меня на другое место.

Вскоре он уже покупал нам напитки и интересовался внуками Маргарет, которые остались в Хомстеде. Мне решительно не хотелось испытывать к нему никакой симпатии. Я буквально заставляла себя вспоминать, как отвратительно он ныл из-за понижения класса и как вызывающе кичился своими деньгами, но было что-то в его красивых голубых глазах, что заставило меня его простить. И я тут же простила ему это высокомерие, списав все на мелкую аэропортную драму, в которой любой из нас может преобразиться до неузнаваемости. Он принес свои извинения Энн, проходившей мимо с тележкой с напитками, и даже та сочла обаяние Филиппа достаточным для того, чтобы простить ему его вспышку дерзости. Когда он говорил мягким, деликатным тоном, его акцент меньше резал слух, а еще Филипп заказал всем пассажирам напитки за свой счет в качестве извинения за свое неподобающее поведение.

Полет до Канзас-сити должен был занять три часа двадцать минут. Но в тот день из-за града во Флориде это время неприятно растянулось до пяти часов. Рейс 517

оказался в самом конце длинной вереницы вылетающих самолетов, а когда до него наконец дошла очередь, нам пришлось ждать еще пятьдесят минут, пока не пройдет мимо группа молний.

К моменту, когда мы поднялись в воздух, Маргарет, которой никогда не доводилось выпивать днем, похрапывала в своем кресле, а я была поглощена фильмом, загруженным на iPad. Филипп был таким высоким, что его ноги то и дело случайно задевали мои, а наши плечи соприкасались над подлокотником. Мы находились чересчур близко для людей, которые не были даже знакомы. Я чувствовала, как его взгляд скользит по моей коже, оценивая меня и будто изучая что-то.

Время от времени я отрывала глаза от экрана, чтобы украдкой взглянуть в его сторону. По аккуратной одежде и розовому платку, заправленному в нагрудный карман темно-синего пиджака, было видно, что этот мужчина утончен и привык добиваться своего. Когда он извинился за то, что задел ногой столик передо мной, я заметила, как его губы изогнулись в усмешке, а щеки залила бледность. Случайные мелочи побудили меня поставить фильм на паузу, и началось легкое прощупывание почвы.

— Я из Канзас-сити, — ответила я на первый из множества последовавших вопросов, — Приехала на конференцию.

— На самом деле я впервые встречаю кого-то из Канзас-сити, — начал он, но потом передумал.

— Нет, беру свои слова обратно. Я никогда еще не встречал такую прелестную женщину из Канзас-сити.

Я рассмеялась, что, кажется, разочаровало его.

— Прелестную, — повторила я, — А ведь вы сказали то же самое Маргарет.